

Алексей Рай

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

СТИХИ

Алексей Рай

Долгая дорога домой. Стихи

«Издательские решения»

Рай А.

Долгая дорога домой. Стихи / А. Рай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749149-9

Три истории, два пути и одна молитва. Долгая дорога домой: вознесение к бессмертию, падение вниз, проростки из цветов зла. «ДДД» — это сборник стихотворений и поэм Леши Рая, нежных и сильных, многоликих и единых, белых и черных, для всех и никому. Цветы из ничего. Бери, они теперь твои.

ISBN 978-5-44-749149-9

© Рай А.

© Издательские решения

Содержание

История любви	6
самый первый	6
цветы	7
снимок	8
люблю	9
дольше секунды	10
нужно	11
неосознанно	13
маленький принц	14
бери	15
на авось	16
спой мне, спой	17
завтра	18
с.	19
на восток	20
История ожидания	22
далека	22
романс	23
открой глаза	24
саван	25
помощник	26
беатриче	27
гори, гори	28
в дороге	29
хлоя	30
поцелуй	31
шекспир. сонет 66. вольный перевод	32
идем	33
жить с непривычки	35
не встретил	36
История войны	38
«с запада на восток...»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Долгая дорога домой Стихи

Алексей Рай

*не боюсь ошибиться,
боюсь вновь влюбиться,
не видеть с тобою снов.*

*дай, Боже,
коснуться безгрешной кожи.
прошлое – сгинь.*

*во имя отца и сына,
во веки веков.
аминь.*

© Алексей Рай, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История любви

самый первый

тебя сотворили из моего ребра,
наверняка, стороны левой,
прихватив еще половинку души,

и я свою из кусочков собрал.
не ищи меня,
не ищи,
я всегда был твоим
самым
первым.

цвЕты

преподнеси цветы ей, и пускай
становится убогим ее лик,
бесслезный, пеленой морской
обутый в тонкий, бесподобный крик,
тоской обвенчанный,
в плечо поник
который,
не знавший доселе ни йоты горя.

пускай
обходят стороной и взгляд кладут
на вереск
у песка
и черную кровать.
тоска такую злобную любовь не потерять,
тоска любить не ею
боле.

преподнеси цветы, и под дождем,
промок,
стой до последнего окурка света,
плененный красотой ее полета,
дождись услады зов стального минарета,
целуй ей губы, сладкие от меда,
и убирайся жить,
клади цветы у ног.

СНИМОК

люблю замечать какие-то мелочи,
например, как ты держишь меня за руку.
так резко выдергиваешь, будто бы случайно,
а потом панически тихо ищешь мою пальцами.

переходные стадии – станции.
они всегда в полночь,
всегда поезда замедляют ход,
а трамваи, напротив, спешат.

ты ниже меня ростом,
не получается идти плечо в плечо.
просто, даже если нам неудобно,
ладоням сейчас горячо,
и это не жар, это – уют.

все почему-то врут,
но не сегодня.

ты доедаешь полдник,
я пишу впервые четко и без запинок,
и полдня смотрю на наш общий снимок.

люблю

писать стихи тебе, или
отравленным остаться
от глаз в слезах чужих,
слезами умываться.

твою грудь целовать,
а мужу глаз закрыть,
святым мерзавцем
быть,
сомнения в цвету явить.

продрог, едва могу
лежать у ног
твоих.

дай бог, сожгу
всех бед мечту,
агонии дождусь,
пойду на запах твой,
пойду на вкус.

и, второпях,
в корню прирежу, будто пса,
однажды покусавшего себя,
надежду и
любовь свою
на её брачных простынях.

ведь не один её
люблю.

дольше секунды

твоя шея слаще белого шоколада,
но ты любишь черный, с горчинкой.

твоих ног прохлада
согреет не-винные ночи.

я помню твои морщинки
и нелюбовь к построению точек.

моей ошибкой было
обнимать тебя дольше секунды.
оказавшись живее живого Будды
и Керуака,

я любил тебя дольше секунды,
когда Ницше плакал.

нужно

нам с тобой
нужно
моря южного
две бутылки,
дешевого, местного производства.

книги про садоводство Виана,
глаза красного мальборо,
теплая ванна написанных слов не руками,
на добро мертвым и нищим,
немного назло маме.

нам нужны с тобою
пути ницшеанские,
пьяные ноги в дороге,
прочная обувь-скрижали.
и мы, как войны османские
и боги,
к земле бы бежали.

крыши – нам, всех домов высотных.
серийные номера
на ладони пера
21 века.
вот мы —
ждем деньги
во имя любви,
просветления и человека.

нам с тобой
джой дивижн в колонках,
сердца стук в перепонках
и суда до балтийских.
билеты к первым не встреченным,
крепких снов на вписках.

и дождем незамеченный, я
к тебе стоп-сигналом,
священным мучеником
иегова
и всех имен его.
я к тебе
с запрещенной славой,
в которую ни ногой.

мою голову гладят тени,
коты и их книги,
запахи смерча,
совершенно лысые кришнаиды,
дико солнечные и беспечные.
плечи горят во зной,
и души, и мысли их
спят нагие под пеленой
детских глаз, девичьих, голубых.

мы поем с тобою о них.
мы поем с тобою о них.

даже когда не рядом,
и календари желтеют
от ритуалов-обрядов, —
тело весны кашляет пустотой.

они слушают и стареют,
они слушают
твой и мой вой.

неосознанно

теплая фанта,
разговоры про Гегеля, Канта,
свежий, тающий снег,
ладонь в ладони.

мы на перроне —
проводим сомненья в последний путь.

губы слаще варенья,
солнце плавиться пенем.
так и не целясь, стрелец попадает в грудь,
и проходит насквозь она.
теперь мне не уснуть
без хотя бы одной о тебе мысли.

как дела?
неосознанно. я люблю тебя.
я люблю тебя больше жизни.

маленький принц

среди новостроек и башен,
среди дней и их верениц,
облакам улыбнулся отважный,
взрослый маленький принц.

бери

возьми мои руки,
летим вдоль дороги,
горячие пальцы слипаются в дынном соке,
сплетясь воедино.

сердца обвенчал поединок —
машины гудят, проезжая со свистом мимо,
называя нас дураками,
но у них нет лица, дураки. солнце, кто из нас прав?
нашла ли коса на камень,
или золото душ превратилось в единый сплав?

о ком ты думаешь, когда о тебе вспоминаю?
пускаясь в волосы, чтобы поверить —
ты настоящая,
я думаю о нынешне спящих,
могут ли те прикоснуться к такому раю?

ни о чем даже не говори.
я запомню момент своим, как ребенок, увидевший бога.
лишь лети, уплывающим сном вдоль дороги.
и бери мои руки, с собою меня бери.

на авось

подручные средства —
плечи твои робкие,
мученические,
штаны широкие,
взгляды грустно-лирические.
руки в мокрой осоке,
раны, заживши
стремглав.

загибаю страницы глав,
в них меняю однажды любовь
тысяч прекрасных Елен и Марго
на капризы лишь той, одной,
с окрашенной головой
в пену морскую,
на ее звуки арго
и манеру
считать поцелуи по пальцам.

,
замучить священную танцам
негоже,
дыши на авось.
книгу закрою позже,
пока в ней не всё сбылось.

спой мне, спой

я верю, проснувшись рядом —
головы не держать парадом,
не сносить шляпы Экзюпери,

раз утратив, цену проклиная,
нет покоя тому, что чужая.
ты ребёнок, я уж старик.

чёрствый год, за спиной истоки.
мне в обедню не в сладость соки,
сладко думать, что ты жива.

гость желанный, покой нарушая,
правдой слов он дышать запрещает,
их находит в себе едва.

нас никто никогда не услышит,
если будем кричать «ненавижу».
я спою тебе «аве твой».

головы грязной мысли чище,
нас никто никогда не услышит.
нас никто не услышит,
спой мне, спой.

завтра

что будет завтра, милая девочка,
скажи,
куда прятать лето, кассеты, ножи, сигареты,
бульжники лжи?

что делать в осенней метро пустыне
на ржавой палубе электрокорабля,
продолжить ли все с нуля?
что будет с душой в паутине
твоею, моею, кремля?...

ветер игривый в пальцах, стоящих ночи,
спит кареглазым сном утопающих рыб.
слева – спасательный круг, черносололая зыбь,
солнце встает и садится у правых обочин.
немо клекочет сердце, а может и выпь.
и проч. проч. проч.

будет ли завтра, девочка, милая очень?
памяти стены – какая-то размазня.
счастье ли, милая, нам, когда нет ни рубля?
дом за плечами носить не хватает мочи.

мертвые сотней лежат на холодных полях
в городе N., на просторах карминной ржи.
как нам жить без любви,
как же жить без любви, Расскажи,
ах?

С.

кот, на макушке ушки,
книжки и сны под подушкой,
ты заходи еще.
что там поет кукушка?
я хоть один в комнатухе,
слышу тебя хорошо.

запахи рос и грейпфрута,
волосы цвета смуты,
красные щеки и нос.
руки нежные, снежные,
взгляды теплые, важные.
что ж мне тогда не спалось?
думалось о неизбежном мне.

города фары ближние,
мы тут одни, мы лишние,
истина не в вине.
голода мысли страшные —
маленькая и отважная,
важная ты мне,

тихо зайди домой.
умойся и все забудь.
обними его всей душой.
а я как-нибудь. как-нибудь.

НА ВОСТОК

понятно одно —
все катится в поднебесье,
когда я пою вам песни,
когда мы пьем с вами вино,
осуждая о чести
и святости бородино.

повесьте на шею крестик
бог с вами, милая, мы не в кино,
и даже были бы если.

все кружится в мира экране,
когда я прячу весь финский залив,
вас, милая, разлюбив,
в дырявом кармане,
чтобы сберечь
для других нежных
и тихих
плеч.

клянусь на коране,
библии и таро —
увидел в других глазах серебро.
в их теплом продрог,
сказали мне, что не обманут.
в них бог,
он с нами.

милая,
вам давно
смешно и лукаво
от этих снов.
вы правы, мне не дано
выжить, вдохнув отравы
и другой черной славы
вновь.

проснись.
все катится в поднебесье,
вниз.
переверните листок....

привет, свет.
моя любовь
идет за мной

на восток.

2012 – 2016 гг.

История ожидания

далека

колотые орехи, недели без табака,
как во время любить на века,
оказалось, любить не к спеху.
ты теперь далека, далека.
поёшь мантры Эдит Пиаф,
облаков собираешь хрусталь.
«я пилот, и от неба устал,
я моряк, и волна мне – сталь,
я неправый, от этого прав».

ожиданье, обратный отсчёт.
здесь для книги особый час,
поцелуй не в счёт сейчас.
этих губ есть медовый Спас,
и в слезах твоих я крещён.

ожиданье, как поезд ввысь,
как границы, которых на картах нет.
как последний билет
и как первый билет.
ожиданье – есть целая жизнь.

и ещё, на твоих лугах
за окном расцветёт сирень.
запах память колышет, срастается в тень,
подгоняя время затем,
чтобы слышать тепло твоих стен.

там мы вместе ночуем на крышах.
тишина становится тише.
тише. и не ждём.
и друг другом дышим —
не дышим.

романс

что у других ни день —
птицы завтрашних дел,
вина искусных купажей.
а у тебя — один.
платье к нему надень,
и чай с ним вкуснее даже.

что у иных ни путь —
истории и что-нибудь,
совместные карточки с моря.
нам — с головою нырнуть,
неба и землю свернуть,
рядом быть в счастье и горе.

что бы тебе рассказать,
попусту слов не ронять,
сердце сомкнуть комом в горле?
другим мы оставим мечтать.
волос твоих светлых прядь
стоят всех дивногорий.

открой глаза

о винная, невинная душа,
о глаза – они обесцвечены.
ты молчишь, или не спеша
выбор делаешь: чёрт или нечерт.

ты снимаешь с себя платье ночи,
состригаешь невинные дреды,
и день в памяти зим – короче, —
твои сны, как у Кастанеды.

и я, испугавшийся тени,
затянув язык в узел моря,
содрогаюсь землей постельной,
оставляю тебя с дамой в ссоре.

на пурпурной ладони сладость,
небо – шифер, а море – краска.
смерть покойникам только в радость,
смертных – в пляску!

завывая попутными крыльев,
утонув в деревянной стати,
я проснусь, обниму тебя сильно.

глаз открыт – подо мной нет кровати.

саван

доброе утро, растянутый кашемир,
пены дней брызги —
телу всласть.
и священный проснулся
мир,
чтоб насовсем пропасть.

смотри: там, где стояла луна
в бедном свете усталого рая,
держит руки мольбы она
и причудливо догорает.

саван свой сбереги до покров,
новый сказ припиши в Илиаду:
я умру для тебя, путь — не нов,
да и буду твоим не в обиду.

о героях спою панихиду.

ПОМОЩНИК

ты его видела
в подвалах-городах,
пустых квартирах, комнатах разврата.
немые головы продали его прах
и душу черную за двадцать три карата.

луна томила в эту ночь в воде,
лягушки, прыгая, разбили его тело.
ты видела в глазах его тот день,
когда ему скрываться надоело.

смотри,
он держит руки пред тобой.
что скажешь вслед тому, что хочет крикнуть?
что видишь ты, зайдя к нему домой,
к чему обоим вам пора привыкнуть?

пространство меркнет. тает первый снег,
завет развеян с первой звездной ночью.
легко так, будто ты тот человек,
единственный, что в силах вновь помочь мне.

беатриче

слушать ее дыхание,
как слышать моря в ракушке,
цветы паковать в конверты с письмом.
я буду твой раненый
Идельбрандо из пушки.
И Колумб твой, осушающий водоем
одним взглядом,
полным возвышенных снов и табака индийцев,
пряного аромата
сдающих без боя позиций.

когда грянет буря,
буду плакать и петь
о земле, брошенной на произвол.
твой народ,
твой поэт возвеличит тебя, Беатриче!
а я настолько укурен,
настолько гол,
что смерть от прилива в стакане
мне станет привычной.

гори, гори

наших рук воры
затаились в чужих карманах.
что стало с твоим телом,
что было твоей душой? —

караваны верблюдов в пустынях
не верят, что дождь пошёл,
так и я не верю, что там, где меня уже нет,
не виден свет,
не плачут по тебе тёмные очи.

сегодня ночью
вершится любовь,
как в сердцах революция,
одно лишь имя в голове крутится,
как космонавт, выпавший в атмосферу
в вечном полете.
я чувствую, что что-то не так:
не расцветает мак,
никто к тебе не приходит.
и в лето
не хочешь купить два билета,
не берёшь их на все.

в голове карусель,
в голове прозрачные мысы,
горный воздух,
цепь памятных чисел,
что случились с тобой.
я помню, как слышал выстрел,
но видел — не враг, не бой.

вернись в своё тело — смелости хватит.
прочитай молитву Экзюпери,
влюбись в неё снова, в её синее платье.
друг мой, гори, гори.

в дороге

мы были как первые солнца лучи —
шагали по неба рассвету,
как пьяные в штык кадеты
мяли в руках ключи,
выли по дому.

мы терялись и раньше,
хотели теряться снова,
но солнце взошло,
и прилетели грачи.

мы думали, что кричим,
искали у звезд ответы.
в моем кармане звенели монеты,
в твоих конфеты – ирисовые кирпичи.
все как у всех, по-другому.
любовь наблюдателя томная,
в горле комом,
о малом по-много молчит.

судьба? на нее ахчи.
автобус, на завтра поеду.
мой глобус, таких и нету,
но руки твои горячи,
подобны всему родному.

что было, то будет снова,
и снова, и снова, и снова,
дорога нас не разлучит.

ХЛОЯ

черное тело, подоконники алые,
лилии, линии, три звезды,
просят любви и стакана воды
цветы мои – души талые.
ночь, но для нас не стемнело,
ты так хотела.

в горле песок и сухо.
шепот на ухо, —
ветер несет караван:
– я для тебя своровал океан.
во имя святого духа, Хлоя,
куда подевалось все наше
живое?

тонкие руки,
руки без пальцев,
настежь открыта дверь.
заходи,
но не верь
ни слову,
ни зову – не зверь.

проеду как раньше, зайцем.
ты
возьми свой билет.
следующим будет рассвет,

до него
не смей ко мне прикасаться.

поцелуй

поцелуй в терновом венце
головы осторожной моей
я дарю тебе на конце —
будь сильней.

море воду пьет, как и ты
выпиваешь любовь в ответ.
тоих, с кем было много воды,
вытри след.

белокурым не верь, ты сама
в отражении их манишь.
убирайся во все их дома,
что без крыш.

и не плачь, больно было всем —
инквизитору и святой,
мне, когда стала насовсем
ты со мной.

тем, кто будут питать тебя
передай моих рук огонь, —
пусть горят, как мое тряпье,
но сама их не тронь.

заживай, как сибирский волк,
верь, как бог, пой, как сойка, танцуй.
не беги, я у твоих ног,
поцелуй.

шекспир. сонет 66. вольный перевод

измучен жизнью, я молю за смерть,
пустой и нищий, славлю вновь монетой
я веру ту, что оную воспеть
не в радость мне. небес коснусь печалью этой.

я вижу грех в безбожных позолотах
и в почестях лжецу, и в девственной усладе.
и чистый лишь, в несправии, в земных свободах,
хромая, медленно бредет к своей награде.

и белый лист становится поэзией глупцов,
в невежестве врача сердца немеют,
но истина в простых словах творцов
из плена гордости ведет во свет, где жизнь не тлеет.

устал дышать всем этим смрадом,
но есть любовь, она вовеки рядом.

идем

идем
нога в ногу.
следы остаются золотом, солью,
пенкой морской.

нас не найти,
не уморить голодом,
нежностью,
сном,
тоской.

эпохой последних минут,
по кругу пуская свои корабли,
вдали
тянем ладони к югу,
северу,
небу,
земли.

сахарными губами
целуя друг другу
глаза,
бьется в нас
день,
гроза,
ливень,
айсберги,
огоньки.
тянется бирюза,
по проводам
гудки.

черным залит закат,
песок вытряхивая из ниц,
кормим память,
кожу,
рай,
ад
хрупкостью наших ресниц,

таем,
любим
и будем,

взрываем в небе салют.

идем,
позабыв о чуде,

туда,
где нас ждут.

жить с непривычки

над долиной зависли
послеполуденные облака,
мои бутерброды давно кончились, и
не осталось ни единого больше глотка
от святых вод Сан-Диего.

свобода моя как старая кляча корчилась,
молила жаркое солнце стать снегом
и уберечь
пьяную речь в неодолимых словах.

но тайны сами себя стерегут.
в руках Воннегут,
в кармане мокрые спички.

ах,
как сложно кажется жить,
как сложно жить с непривычки.

,

у края кровати
ладонью по волосам провожу,
ты заранее знаешь,
что я тебе скажу,
что не скажу,
и чем станет наш знаменатель.

,

покормил соседского пса,
улетел, изменил пояса
часовые,
купил дорожные чеки —
и дело в шляпе.

только откуда терпение Будды
и мысли – спокойные реки?
все эти теплые лапы,

на моих плечах ее теплые лапы,
танцующие медленный регги.

не встретил

милая,
я снова пуст.
вот последний трамвай уходит —
иди по шпалам.

так легко,
но почему из моих уст
только и слышно, как ты
не меня целовала.

почему так легко?
может, соврать разок,
птицей к чужому лететь,
конвертом
раной.

может быть,
подождать еще раз,
чуток.
наглотаться словами,
дождем,
не-друзьями,
туманом.

потерпеть
или выше, на крыше
сесть,
разбодяжить воздух
дымом панельных высоток.

потерпеть весну, лето, зиму,
может быть,
прямо здесь

и забыть навсегда,
что тебя целовал
еще кто-то.

я сел.
вдруг
подул сильный,
холодный
ветер.

и я вспомнил,

что я еще
даже
тебя
не встретил.

2013 – 2014 гг.

История войны

«с запада на восток...»

с запада на восток

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.